

Цена 18 коп.

Индекс 72996

БИБЛИОТЕКА
КРОКОДИЛА

13
(786)

ДЬЕРДЬ МИКЕШ

АРХИВЫ ПОМПЕЙ

Дата моего рождения точно установлена и документально подтверждена. Это произошло в 1929 году. Значительно важнее, что уже пятнадцатилетним отроком я захотел стать поэтом, позднее прозаиком, затем философом. После окончания школы поступил на экономический факультет. Учась в университете, я пришел к выводу, что поэт, прозаик, философ и экономист отлично уживаются в одном лице. И лицо это — юморист. Сделав такое открытие, я решил стать юмористом. Правильно ли я поступил, рассудят потомки.

Двадцать шесть лет я работаю в будапештском «Лудаш Мати». В прошлом году отметил свою серебряную свадьбу с этим венгерским сатирическим журналом и в подарок получил назначение — меня сделали заместителем главного редактора. Движимость моя состоит из шести юмористических сборников. Один из них издан на русском языке в библиотеке «Крокодила» в 1964 году.

Вот вкратце история моей жизни. Если читателям она покажется недостаточно юмористичной, я приведу множество объективных оправдательных причин и в будущем постараюсь ликвидировать этот недостаток.

Дружеский шарж Е. ШУКАЕВА

БИБЛИОТЕКА КРОКОДИЛА № 13

ДЬЕРДЬ МИКЕШ

АРХИВЫ ПОМНЕИ

Перевод с венгерского Елены Тумаркиной

Рисунки Г. Огородникова

МОСКВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

1977

Дырочка на рубашке

— Боже, как ты неряшлив! — с привычным отвращением сказала жена. — Взгляни на себя: волосы взлохмачены, галстук съехал набок, на пиджаке пятно. Откуда это пятно?

— Кефир, — с покаянной улыбкой ответил муж. — Мне всегда не везет с кефиром.

— А это? Что это такое?

— Где? Не вижу никакого пятна. А-а, это! Я пролил кофе.

— Неужели нельзя быть поаккуратнее? Смотри, ты опять прожег нейлоновую рубашку!

— Ничего страшного. Это даже не дырка. Едва заметно.

— Наказал меня тобой бог, — вздохнула жена. — Капитан Клосс сражается с десятью врагами одновременно, проникает в заброшенные замки, засыпанные пылью и грязью, его швыряют в подвалы, где вода выше колен, а он всегда словно только что из шкапулки. Чистый, красивый, элегантный. Ты всего-навсего бухгалтер, а неряшлив так, что на тебя смотреть тошно. Скажи, что ты делал целый день?

Муж торжественно усадил жену рядом и начал:

— Послушай, Маришка, мне очень больно, что ты так со мной разговариваешь. Поэтому, хотя я и не имею права, расскажу тебе все. Утром я не пошел на службу.

— Как не пошел?

— Так. У меня были другие дела. Мне позвонил один человек, называть которого я не хочу, и попросил спасти жизнь одной девушки. Не спрашивай ее имени, могут произойти международные осложнения. Ну-с, эту девушку спрятали в охотничьем домике. Ее охраняли тридцать вооруженных до зубов людей. Я расправился со всеми сорока...

— Только что ты сказал: их было тридцать.

— Я не упомянул запасных. Не перебивай меня! В охотничьем домике я нашел девушку. Она была прекрасна. Я перерезал веревки, которыми она была связана, и мы побежали. И, как потоему, что мы увидели?

— Что же вы увидели?

— Лес, окружавший нас, горел. Но я не испугался. С потерявшей сознание девушкой на руках я прорвался сквозь пламя. Это пламя и прожгло мою нейлоновую рубашку. Тогда я этого просто не заметил. Понимаешь?

— Конечно, — ответила жена.

— Добравшись до города, мы зашли в кафе. Заказали кофе, чтобы немного успокоить нервы. И представь, что случилось! Я поднес чашечку к губам, но в этот момент распахнулась дверь,

и мужчина в черной маске выпустил по мне очередь из автомата. Ни один мускул не дрогнул на моем лице, но рука рефлекторно дернулась. Тогда-то я и пролил на себя кофе. Только одну каплю, но она попала на пиджак.

— Бедняжка! Не горюй, отойдет в холодной воде.

— Но история еще не закончена! Я проводил девушку домой. Она была страшно напугана, вся дрожала, но я успокоил ее: теперь все в порядке. «Ложитесь,— сказал я,— и забудьте обо всем».

— И она легла?

— Она начала раздеваться, а я вышел на кухню поискать какую-нибудь еду. Нашел бутылку кефира. И сразу понял, что кефир отравлен. Понял по запаху. Сильнейший яд, от которого люди умирают в страшных мучениях. В средние века им пользовались на острове Паски. Признаюсь, Маришка, я чуть-чуть испугался, и тогда-то кефир и пролился на пиджак. Ты не сердишься, правда?

— Глупенький, что ты!

— Представляешь, как девушка была мне благодарна! Она подошла ко мне, обвила руками мою шею — вот тут-то и съехал галстук, взлохматила волосы, хотела поцеловать, но я вырвался из ее рук. Не дал себя соблазнить! «У меня есть жена, которую я люблю!» — сказал я, повернулся и ушел. И вот я дома. А теперь ужинать!

— Сначала тебе придется сходить в «Гастроном».

— Ты ничего не купила? — с удивлением спросил муж. — Где же ты пропадала с пяти до семи? Ты кончаешь в пять, а пришла домой в семь.

— Если ты никому не скажешь, я тебе все открою, — ответила шепотом жена. — Несколько дней назад тайная служба одного иностранного государства поручила мне очень опасное задание...

Молчаливый ребенок

Мальчику семнадцать лет, по натуре он замкнутый, каким бывает обычно мальчишка в семнадцать лет. Каждое слово из него надо вытягивать клещами, и если он с величайшим трудом выдавит «да» или «нет», по лицу видно, что он презирает себя за болтливость, за бабью трескотню.

Родители беседуют с сыном так:

— Что ты видел в кино, сынок? — спрашивает папа.

— «Прозабание», — отвечает мама.

Сын берет книгу и начинает листать ее.

— Тебе понравился фильм? — спрашивает папа.
— Разумеется, не понравился, — отвечает мама.
— А почему не понравился? — с любопытством спрашивает папа.

— Потому что фильм скучный, — отвечает мама.

Папа рад, что сын правильно оценил фильм, но ему интересно, почему сын считает фильм скучным. И он спрашивает:

— Ты больше любишь фильмы, в которых много событий?

— Нет, — отвечает мама. — Он прекрасно знает, что фильм в котором мало событий, тоже может быть хорошим.

Отец доволен ответами. Фильм «Прозабание» ему и самому не нравится. «У этого сорванца хороший вкус, — с одобрением констатирует он про себя. — И самое главное, он не сноб. Ведь все снобы с ума сходят по этому фильму!»

— У тебя есть деньги? — спрашивает отец, зная, что семнадцатилетний парень не может ходить без гроша в кармане.

— Нет, — отвечает мать. — Ты давно ему не давал.

Отец дает сыну пятьдесят форинтов, мальчишка что-то ворчит и кладет деньги в карман.

Тогда расспрашивать сына начинает мама.

— Какие новости в школе?

— Какие могут быть новости? — отвечает отец. — Ты думаешь, их каждый день спрашивают?

Мальчишка откладывает книгу и подходит к окну. Он разглядывает облака.

— Тебе какой предмет больше всего нравится? — спрашивает мама.

— Разумеется, литература. Мне она тоже нравилась больше всего, — без колебаний отвечает отец.

— А что еще тебе нравится? — спрашивает мать.

— История, — отвечает папа.

— В прошлый раз ты принес тройку по истории... За что ты ее получил? — интересуется мама.

— Со всяким может случиться, — говорит отец. — Ничего, исправим!

Мать, улыбаясь, ласково смотрит на сына, который подходит к приемнику и включает программу легкой музыки.

— Ты в последнее время стал очень бледным, сынок, уж не влюбился ли ты? — спрашивает мама.

— Ну, что ты, право, — отвечает папа, покраснев до ушей. — Успеет еще...

— Но ты ведь скажешь нам, если влюбишься? — спрашивает мама.

— Ну, конечно, скажет. Он ничего от нас не скрывает. Мы ведь родители современные, с нами можно говорить обо всем.

— А теперь хватит болтовни, — заключает мама. — Видишь, бедняжка устал, пусть немного поспит...

— Необходимо иногда побеседовать с ребенком, — шепчет папа. — А то он совсем от нас отдалится.

Операция «Альфа»

1

— Чем ты сейчас занимаешься? — спросил я Ковача, который, стоя возле ворот учреждения, внимательно следил за входом, словно кого-то ждал.

— Я грабитель, — ответил он, не моргнув глазом.

— Как это понимать?

— Так и понимай. Я главарь банды грабителей. Члены банды — пенсионеры, как и я... Самому молодому шестьдесят два года, самому старшему восемьдесят три... Мы работаем сдельно, по заказам, оплата почасовая.

— Думаешь, теперь я понял? Может, объяснишь подробнее...

— Тише! Он идет!

— Кто?

— Этого типа мы должны ограбить.

Из ворот учреждения на улицу вышел мужчина в черной шляпе с портфелем.

2

— Заказ мы получили от вдовы Леспольди, которая провела в этом учреждении дважды по три часа, ожидая Зебегеня Фланца. Но ждала она напрасно: Фланца не было в кабинете, или он там был, но не принял ее. Наша задача заключается в следующем: надо получить у него обратно эти шесть часов. Ограбить его на шесть часов. План мы разработали до мельчайших деталей, все точно знают, что кому надо делать. Прежде чем начать операцию, мы вели слежку за нашей жертвой и узнали о ней многое. Например, знаем, что сегодня Фланц спешит к своей приемельнице, они хотят пойти в кино.

— Операция «Альфа» началась! — взволнованно доложила какая-то тетушка. — Семнадцать часов три минуты!

3

Зебегень Фланц — ничего не подозревающая жертва — беседовал с толстым человеком.

— Дядюшка Шомош один из самых ловких членов банды. Учитель на пенсии, — объяснил главарь банды Ковач.

— О чем он говорит с Фланцем?

— О чем говорит сейчас, не знаю, но его любимая тема — бурская война. Он может говорить о ней часами, если нужно. И если не нужно.

Жертва нетерпеливо переминалась с ноги на ногу, даже не переминалась, а пританцовывала: два шага влево, два шага вправо... Однако дядюшка Шомош был неумолим. Добрых полчаса спустя Фланц панически бежал в направлении, обратном тому, в котором ему следовало идти, но далеко не ушел, а влетел прямо в объятия пожилой дамы.

— Эта дама — наш человек, — сказал Ковач. Зебегень Фланц попал в ловушку.

4

Восемнадцать часов тридцать минут. Жертва все еще на улице. Сейчас он поддерживает худенькую старушку, которой, видимо, стало вдруг плохо.

— С ней все в порядке, — объяснил Ковач. — Элеонора Сепатаки задержит его минимум на двадцать минут.

— У нее весьма ловко это получается.

— Бывшая актриса. Дело знает...

Операция «Альфа» продолжалась. Все шло как по маслу.

5

Девятнадцать часов двадцать минут. Зебегень Фланц сидит в эспрессо с лысым человеком в очках, который объясняет ему что-то, размахивая руками.

— Он тоже член банды?

— Член-учредитель. Адвокат-пенсионер доктор Шультейс. Сейчас он рассказывает о своей жизни... Она весьма богата событиями...

В девятнадцать часов пятьдесят минут Фланц освободился и помчался к своей приятельнице, которая ждала его с семнадцать часов. Билеты в кино у нее были на восемь, то есть на двадцать часов.

6

— Операция сорвалась, — в двадцать часов одну минуту доложил бородатый старец. — Фланц и его дама сидят в кино.

- Предательство!
- О предательстве и речи нет. Просто тетушка Кардош не смогла прийти. Она с утра ждет слесаря-водопроводчика.
- А что с ее заместительницей?
- И та не смогла прийти. Ждет мастера из телевизионного ателье.
- Не беда! Завтра продолжим операцию! — ответил Ковач. — Мы должны заказчице еще три часа.

Безошибочное преступление

История, которую я сейчас расскажу, собственно говоря, носит уголовный характер. Это детектив. Но без привычных детективных аксессуаров. Дело осталось нерасследованным, потому что в действительности дела из него не получилось.

Время — начало века. Действующие лица — поэт, типограф и Жужанна, жена поэта. Когда они поженились, поэт сделал же не сюрприз, подарил цикл стихов — двадцать четыре очаровательных сонета. В первую годовщину брака он закончил стихотворение в сорок восемь строк под названием «Жужанна», которое критики по праву называли псалмом: оно походило на молитву профана красоте.

Однако Жужанна была недовольна мужем, она считала, что он мало зарабатывает, и из-за этого они часто ссорились. Через полгода на сцене появился типограф, а точнее, владелец типографии, который был на двадцать лет старше Жужанны. Подруга жизни поэта больше ценила деньги, нежели стихи, и через несколько недель стала возлюбленной типографа.

В это время поэт сдал в типографию свой новый цикл стихов — любовную лирику под названием «Жемчужины». Это подало Жужанне идею, как освободиться от мужа. План, который легко можно назвать дьявольским, она детально обсудила с типографом. Красота женщины так заворожала его, что он тотчас решил стать ее соучастником.

Первый экземпляр «Жемчужин» типограф лично отнес поэту, который долго любовался им, ощупывал, обнюхивал, гладил, а потом наугад раскрыл книгу и начал читать одно из стихотворений, одну из жемчужин. Но едва он прочел несколько строк, как потерял сознание. Ибо стихотворение заканчивалось так:

«Дверца ее стучала:
Ты полюби мочало...»

А в рукописи было:

«В сердце ее стучало:
Это любви начало...»

Жужанна удовлетворенно улыбнулась.

— Ну, что я говорила?

— Ты гениальна! — ответил типограф, ощущая легкие угрызания совести. — А что мы будем делать теперь?

— Ничего. Остальное — не наше дело...

Взявшись под руки, они удалились, оставив на произвол судьбы поэта, который пришел в себя только через полчаса. Первым делом он, разумеется, снова схватил в руки тоненькую книжицу.

Вместо «Твои глаза — как розы сада» в одном из стихотворений было напечатано: «Твои глаза — как рожа гада».

— Конец мне! — прошептал поэт, которому показалось, что ему кинжал в сердце вонзили. С трудом он поднялся с пола, выпил стакан воды, затем рухнул в кресло и несколько минут смотрел стеклянным взглядом в стену. Немного погодя, когда силы вернулись к нему и сердце стало биться спокойнее, он раскрыл книгу на тридцатой странице. Стихотворение, которое он написал, начиналось так:

«Гвоздики в саду,
Маргаритки и лилии...»

В книжке он, однако, прочел:

«Гвозди в аду,
Морду Ритке побили...»

— Не хочу больше жить! — пробормотал поэт и внезапно почувствовал, что его грудь словно сжали железными обручами и бьют по ней кувалдой.

Когда Жужанна вернулась домой, поэт был мертв. Со склоненной набок головой он сидел в кресле, судорожно сжимая в руке книжечку: ее едва смогли вытянуть.

— Удалось, — удовлетворенно произнесла Жужанна. — Все произошло, как я предсказывала. Его свели в могилу опечатки. Типографские ошибки.

— Ты гениальна! — ответил типограф. — Мне кажется, это можно назвать безошибочным преступлением. Поздравляю! Смотря, он умер, читая «Мои родители нескромны там пиво распиивают...» А как у него было?

— В моей обители укромной там птицы распевают, — ответила Жужанна. — А теперь я позвоню в похоронное бюро...

Львы уходят из дому

«Ну вот,— подумал про себя муж,— она снова меня спроводила».

...А ведь сколько раз я зарекался хоть что-то рассказывать дома, все равно она меня не слушает... Спросит, какие новости, а когда я начинаю говорить, встает и выходит в кухню... Поинтересуется моим мнением о чем-либо, но по глазам вижу, что мысли ее совсем далеко... Конечно, когда она была девушкой, все было по-иному, она прислушивалась к каждому моему слову, ее интересовало все, что я говорил... Но теперь!..»

— Ну,— спросила жена, снуя по комнате,— почему ты замолчал?

— Тебя вообще-то интересует, что я говорю?

— Конечно, интересует,— сказала жена и вышла из комнаты. Немного погодя она вернулась, чтобы выбросить окурки из пепельницы.

— Ну и вот,— нервно произнес муж.— Львы уходят из дому в четыре часа...

Жена молча поправила скатерть.

— Я говорю, львы уходят из дому в четыре часа...

Никакого впечатления.

— Но только по понедельникам, вторникам и пятницам... Скажи, ты меня слушаешь?

— Слушаю,— ответила жена и вышла из комнаты.

Муж в гневе кусал губы. «Просто фантастика! Я могу говорить все что угодно!.. Разве можно так жить?.. Нет, так жить нельзя!»

— Ну,— крикнула жена из кухни,— что же ты не продолжаешь?

— Я сказал, что львы по понедельникам, вторникам и пятницам выходят из дому в четыре часа. А в остальные дни на дом приходит учитель венгерского языка и литературы. Слушаешь?

— Не спрашивай все время, слушаю ли я. Конечно, слушаю.

«Такова моя судьба! У меня есть жена, но я все-таки одинок».

— Ну?

— Учитель родился в Будапеште, однако очень хорошо говорит по-венгерски. Разумеется, с небольшим акцентом. Слово «нож» он произносит как «вилка». Ты меня слышишь?

— Слышу,— доносится из глубины квартиры голос жены.— Конечно, слышу, я не глухая.

«Вот причина для развода. Если это не причина для развода, то я вообще не знаю, что может служить причиной».

— Ну?

Дрожащей рукой муж ваял сигарету, закурил, затем прикрыл глаза. В тот же момент он увидел себя стоящим перед судьей на бракоразводном процессе. Пожилой судья рыдал, слушая рассказ о его горькой жизни. Вытерев слезы, судья сказал:

«Вы правы, мой дорогой, что не хотите больше жить с этой женщиной. Я понимаю вас, мой дорогой...»

— Ну? — послышался голос жены.

— Что ну?

— А дальше ничего не было?

— Было,— злобно сказал муж.— Учитель преподает только львам. А тюленей учить не берется, потому что не умеет плавать... Слышишь?

— Слышу.

«Она говорит, что слышит. Моя дорогая маленькая женушка меня слушает. Моя маленькая дорогая женушка — сплошное внимание... Ох, сейчас взорвусь!»

— Ну?

— Никаких ну! Никаких ну!

— Что ты психуешь? — спросила жена.— Никогда ничего не можешь рассказать до конца...

Архивы Помпей

Дирекции предприятия «Везувий».

Находящийся в ведении вашего предприятия вулкан, несмотря на наши многочисленные протесты, по-прежнему подвергает опасности окружающую среду. Не откажите в любезности принять срочные меры.

Городское управление.

Помпейскому городскому управлению.

Постоянная эксплуатация вулкана Везувий соответствует интересам экономики (иностранному туризму, виноградарству и т. д.). Годовой оборот нашего предприятия превышает десять миллионов, и остановка его принесла бы большой ущерб Римской империи. Несмотря на это, мы считаем вашу жалобу законной, решение вопроса включено в наш годовой план.

«Везувий».

Дирекции предприятия «Везувий».

Постоянный гул вулкана, выпадение пепла и камней делают все более невыносимой жизнь города и ухудшают атмосферу. Если до 31 числа текущего месяца не последует принятия мер, на вас будет наложен штраф в размере 15 сребреников.

Городское управление.

Помпейскому городскому управлению.

Наше предприятие сделает все для того, чтобы население города могло жить в спокойной, здоровой атмосфере. Мы создали комиссию, которая изучит вопрос и внесет предложения. Денежный штраф уплачен нами до истечения указанного вами срока.

«Везувий».

Дирекции предприятия «Везувий».

Доводим до вашего сведения, что городское управление создало комитет по охране окружающей среды. Положение со дня на день становится все тревожнее: домашние животные бегут из города, ядовитые газы уничтожают наши сады, гул вулкана увеличивает число нервных заболеваний. Мы предлагаем скоординировать деятельность вашей комиссии и нашего комитета.

Городское управление.

Помпейскому городскому управлению.

Ваше предложение принято. Мы убеждены, что сотрудничество окажется плодотворным. Предприятие уже приняло эффективные меры: мы выпустили плакаты, призывающие население следить за чистотой воздуха.

«Везувий».

Дирекции предприятия «Везувий».

Срочно уплатите штраф в сумме 20 сребреников. Сумма штрафа увеличена потому, что ваше предприятие продолжает эксплуатировать вулкан, совершенно не считаясь с интересами населения. Если предприятие в течение трех дней не примет мер, на вас будет наложен новый штраф в сумме тридцати сребреников.

Городское управление.

Помпейскому городскому управлению.

Штраф уплачен, хотя мы и считаем его несправедливым: предприятие делает все, что может. Нами отпечатаны плакаты с призывом «Следи за чистотой лавового потока!».

«Везувий».

Дирекции предприятия «Везувий».

В связи с тем, что лава затопила город, предлагаем вам... (Данная переписка была обнаружена при раскопках Помпеи).

Связь с покупателем

Недавно в показательном магазине на улице Ло я купил остроумный прибор, который по моему желанию мог превращаться то в подставку для яиц, то в курительную трубку, то в водолазный шлем.

Дома я опробовал его — прибор не действовал, хотя в руках продавца работал отлично. Я написал сердитую жалобу предприятию, производящему остроумные приборы. На третий день прибыл ответ:

«Сообщаем Вам, что до сих пор мы не получали ни одной жалобы на прибор, о котором идет речь. Вы первый, приславший рекламацию. По Вашему желанию дефектный товар будет сейчас же заменен».

Дефектный товар заменили. Я получил новенький остроумный приборчик. Если я хотел сделать из него подставку для яиц, получалась водолазная подставка, если хотел водолазный шлем, получалась трубка для яиц. Я снова написал жалобу.

Ответ звучал так:

«С удивлением узнали, что Вы снова получили дефектный прибор. Это у нас случается очень редко. Разумеется, по Вашему желанию он будет обменен. А вообще позволю перейти на «ты»! Привет! Пиши, если что!»

Новый прибор тоже не годился. Из него получались подставка для шлема, водолазное яйцо, но только не то, что я хотел. На мою жалобу пришел следующий ответ:

«До чего ж ты невезучий! Но все же не впадай в отчаяние. Мы всегда с радостью в твоём распоряжении. Привет семье».

После четвертой жалобы, когда остроумный прибор чуть не взорвался в моих руках, почта принесла такой ответ:

«Из твоего письма узнали, что новый прибор тоже не действует. Разумеется, мы поменяем его, когда только хочешь».

Не имеет смысла сердиться, сынок. Вся эта дрянь того не стоит! Здоровье важнее. Береги себя! Привет!»

В ответ на мою пятнадцатую жалобу они писали:

«Сообщаем тебе, сынок, что мы все здоровы. Недавно у нас распределяли премии. Наша бухгалтерша Шипеки разводится с мужем. Кати, которая работает на складе, мы выдали замуж. Надемся, наше письмо застанет тебя в добром здравии.

Р. С. Дефектный прибор заменим».

Я послал тридцатую жалобу, ибо и тридцатый прибор не действовал. В ответе я прочел:

«Твое письмо получили. Часто о тебе вспоминаем. С заменой в порядке. Миллион поцелуев».

Тридцать первый прибор тоже не действовал, но я так устал от всего этого, что у меня пропала охота даже писать жалобы. Через три дня я получил телеграмму от предприятия, производящего остроумные приборы:

«Почему ты не пишешь? Беспокоимся. Ответ оплачен».

Откровенно говоря, на глаза у меня навернулись слезы. Мне было очень, очень приятно, что так заботятся обо мне, покупателе. Я схватил перо и написал ответную телеграмму:

«Все в порядке. Прибор плохой. Жалоба идет почтой».

А что происходит сейчас?

— Вечерами мы с Хедикэ слушали музыку, — начал мой друг Геза, в порыве откровенности вздумав раскрыть предо мной душу. — Я вообще-то не меломан, мне, видишь ли, медведь на ухо наступил, но ради Хедикэ я стал любителем музыки. С ней было приятно слушать музыку! Временами мне казалось, будто мы сидим на островке вдали от мира, отключенные от всего, а вокруг волнует бесконечное море музыки.

Однако отключение было не полным, ибо Хедикэ иногда спрашивала:

— А что происходит сейчас? Ты можешь сказать?

Это значило, она хотела знать, что по-моему происходит в данный момент в музыке. Что выражает мелодия. О чем она говорит своим слушателям. В таких случаях я мог только гадать:

— Началось свадебное шествие...

— Черта с два! — раздраженно перебила Хедикэ. — Приближается буря.

Через несколько минут я воскликнул:

— Восхитительно! Буря всколыхнула море! Какая грозная красота!

— Черта с два! — запальчиво сказала Хедикэ. — Буря утикла, началось свадебное шествие... Ну, а сейчас? Что происходит сейчас?

— Появился цыган с медведем...

— Какой еще медведь? Это французские гренадеры. Свадебное шествие рассеялось...

— Прекрасно! — вздохнул я с закрытыми глазами. — Кажется, так и вижу перед собой...

— Тише! — шикнула Хедикэ. — Перестань болтать без умолку! Лучше слушай. Как выразительна эта музыка...

— Прости, — перебил я девушку, погладил ее по голове и притянул к себе.

— Оставь, не сейчас, — оттолкнула меня Хедикэ. — Отдадимся целиком музыке!

Откровенно говоря, я завидовал композиторам, потому что они похищали у меня девушку. Хедикэ на самом деле целиком отдавалась музыке. В эти моменты сердце ее билось быстрее, дыхание учащалось, и она покусывала края губ. В наиболее волнующих, страстных местах она даже вскрикивала.

— А что происходит теперь? Знаешь?

— Теперь? погоди-ка! Гномы танцуют в лесу.

— Черта с два! — сердито сказала Хедикэ. — Это султан, огромный, толстый султан. Не слышишь, как торжественно звучит музыка?

— Ты уверена, что это не гномики?

— Уверена, — ответила девушка. — Прислушайся к литаврам!

— Восхитительно! На языке музыки можно сказать все. Мне кажется, я вижу, как он появляется со свитой придворных...

— Тише! Да не мели ты все время!

— Прости, но ты начала!

— Тсс! Я хочу слушать музыку!

В тот вечер я был в плохой форме: ничего не мог отгадать, не ответил ни на один вопрос. Это сделало меня раздражительным. «Как безбожно длинна эта симфония», — думал я. «Если Хедикэ захочет прослушать до конца все пятнадцать симфоний этого Шнуреггера, я сойду с ума!»

— А что происходит сейчас?

— Сейчас в лесу танцуют гномы.

— Черта с два! — ответила девушка. — Река вышла из берегов. Ударил в набат. Слышишь?

— Ничего я не слышу.

— Ты просто глухой. Вода прорвала плотину...

— А по-моему, это гномики. Гномики танцуют в лесу.

— Т-с-с! Ни слова! Я хочу наслаждаться музыкой!

— Пожалуйста. Извини.

Мы слушали музыку, одиннадцатую симфонию Шнуреггера. А может, десятую. Я постоянно путаю эти два опуса, хотя уже много раз слышал их по милости Хедикэ.

— А что происходит сейчас? — взволнованно спросила она, когда духовые подхватили мелодию, которую вели смычковые.

— Сейчас я уйду. Уйду, и ты никогда больше меня не увидишь!

— Черта с два! Гномики танцуют в лесу, — произнесла с закрытыми глазами Хедикэ и не заметила, как я вышел из комнаты.

Продолжение следует

Я зашел к своему другу Гезе и застал его за сочинением стихов.

Увидев меня, он спрятал рукопись. Я спросил, что он пишет. Он ответил: список белья, которое надо сдать в прачечную. Однако под огнем моих перекрестных вопросов признался, что работает над пьесой в стихах. Если б я услышал, что Геза построил из спичек здание парламента, я ни капли не удивился бы, но то, что он работает над пьесой, ошеломило меня.

— А как она называется?

— «Ромео и Джульетта», — опустив глаза, ответил Геза.

— Если я не ошибаюсь, кто-то уже написал пьесу с подобным названием, — тактично произнес я, памятуя об особой чувствительности поэтов.

— Знаю, но Шекспир написал только пять актов, а я допишу еще два-три действия... Ради Хедикэ...

Геза видел, что я ни слова не понял из его объяснений, и чистосердечно признался:

— Я обручен с Хедикэ. Я люблю ее и женюсь на ней. Мы познакомились в библиотеке. Хедикэ очень любит читать. В тот день она сдавала «Красное и черное» Стендаля. Мы разговорились, и Хедикэ со слезами на глазах спросила у меня, не знаю ли я о том, как сложилась дальнейшая жизнь Матильды де ла Моль и мадам Реналь. Она уже несколько ночей не спит, все думает о них и гадает: что с ними произошло после окончания романа? Хедикэ — девушка с чувствительным сердцем, если кого полюбит, не может легко расстаться. Я узнал, что она уже писала умоляющие письма Льву Толстому, Диккенсу и Ромену Роллану с просьбой, чтобы они продолжили свои романы, но ни один писатель почему-то не ответил. Я пожалел Хедикэ и рыцар-

ски взялся продолжить роман Стендаля. Бумага, перо и чернила дома были, почему ж не продолжить? Три месяца я работал над романом, затем Хедикэ пришла ко мне, и я прочел ей продолжение «Красного и черного». Награда не заставила себя ждать: я получил поцелуй. С тех пор я писал вместе с многими писателями, был соавтором Мопассана, Ажаева и Драйзера. Сейчас я пишу «Ромео и Джульетту». Хедикэ оплакала молодых, а теперь хочет знать, что случилось с другими действующими лицами: няней, отцом Лоренцо, первым, вторым, третьим музыкантами и так далее и так далее. Вот я и пишу шестой, седьмой и восьмой акты об их дальнейшей судьбе. Отец Лоренцо бросит орден и женится на няне Джульетты. Они будут жить счастливо и умрут в глубокой старости. Обе семьи так сдружатся, что организуют общий хор и по воскресеньям на главной площади Вероны будут давать бесплатные концерты. Два старика — Монтекки и Капулетти — каждый вечер будут играть в карты. Интересно, правда?

— Очень, — кивнул я. — А потом?

— Хедикэ тоже спросила бы так, — ответил Геза. — Не знаю пока, что с ними будет. Зависит от моего времени и настроения. Может, доведу историю двух семей до наших дней, может, при удобном случае отправлю их. Но придется быть очень внимательным, чтобы никто в это время не отсутствовал и все получили свою долю яда. Ведь если даже судомойка спасется, я вынужден буду продолжать пьесу... А теперь послушай, я прочту тебе несколько готовых сцен...

Напрасно я протестовал, Геза насильно усадил меня в кресло и дрожащим голосом начал:

— Ромео и Джульетта. Авторы — Геза Лехак и Вильям Шекспир...

Великие мыслители

Если Академия наук попросит и у меня будет немного свободного времени, я напишу книгу под названием «Великие мыслители».

О ком я напишу в этой книге?

Например, об Артуре Шопенгауэре, который часто меня навещает. Разумеется, не о знаменитом философе-пессимисте (1788—1860), а об Эрне Лидеруе, которого я прозвал Шопенгауэром и включил в свой труд «Великие мыслители» потому, что он регулярно в воскресенье утром заявляется ко мне со словами:

— Я проходил мимо и подумал: «Дай заскочу к тебе».

Много раз я давал себе слово пристрелить его прямо на пороге, но в субботу вечером, ложась спать, забывал о том, что следовало по меньшей мере вооружиться до зубов. К тому же у меня нет пистолета. А если бы был, то спать с ним неудобно. Жестко. И потом Шопенгауэр человек семейный. У него трое детей. И вот приходится мне громко говорить, что, мол, ах, как я рад, как я рад, а про себя бормотать: «Ну, погоди, Шопенгауэр! Когда-нибудь я тебя уничтожу! Он, видите ли, проходил мимо и подумал, дай заскочу! Подумал! А ведь думать можно о стольких вещах: о жизни, о смерти, о любви».

Канты — то есть Ласло Кюрти с супругой — тоже принадлежат к группе великих мыслителей. Они всегда приходят в то время, когда у нас уборка.

— Мы думали сделать вам сюрприз. Правда, вы не сердитесь?

Нет, не сердимся. Но если бы у меня под рукой был отряд гусаров, я скомандовал бы: «Сабли наголо! В атаку! Вперед, ребята!» И с двух сторон напал бы на Кантов, чтобы они не могли спастись бегством. Но где раздобыть дюжину гусар с раздвигавшимися ноздри скакунами? И жена не позволяет превращать квартиру в конюшню. Поэтому я распахиваю перед Кантами дверь и говорю:

— Это очень мило с вашей стороны, очень-очень мило!

Супружеская пара великих мыслителей думала сделать нам сюрприз! Это ей удалось. Но откуда они всегда узнают, что у нас уборка?

— Как вы догадались к нам прийти? — спрашивает моя жена.

— Даже не знаю. Подумали и пришли. Правда, милый? — отвечает жена Канта.

Значит, пришли они к нам не случайно, а в результате мыслительного процесса. Подумали! Вдвоем. Кант и Кантиха.

И в заключение упомяну о Томасе Море, то есть Яноше Коваче, который всегда приходит, когда мы собираемся уйти. Увидя, что мы стоим в пальто и шляпах, он оскорбленно восклицает:

— Вы хотите уйти именно сейчас, когда я пришел вас навесить?

Мы не уходим. Остаемся. Но если бы у меня был бомбардировщик, я взлетел бы ввысь и...

— Почему ты не позвонил, что придешь?

— А зачем? Если вас нет дома, значит, нет, а если вы дома, значит, дома.

Мудрое утверждение. Железная логика! Так мог сказать только великий мыслитель.

Если Академия наук попросит и у меня будет немного свободного времени, я напишу книгу.

Клянусь честью!

— Завтра у нас будут гости, — не терпящим возражений тоном заявила жена Верпелети. — Надеюсь, ты ничего не имеешь против.

— Я? А почему я должен быть против? — спросил муж. — Я рад, что к нам придет. Сколько нас будет?

— Вместе с мамой восемь. Или девять. Надеюсь, у тебя нет возражений против того, что мама тоже будет с нами?

— У меня? Почему у меня должны быть возражения? Маме я особенно рад. У нее фотогеничное лицо.

— Что у нее?

— Я забыл тебе сказать, что завтра нас будут снимать для телевидения. Фильм под названием «Обед-76». Киношники-документалисты будут в восторге от мамы. Седовласая старушка. С миллионом морщин на лице. Вблизи — словно гравюра на дереве. Однако морщины ее прорезаны временем...

— Мог бы сказать раньше!

— Я намеренно не говорил. Они хотят, чтобы все было естественно, будто мы дома одни.

— Как будет называться фильм?

— Я уже сказал: «Обед-76». Дядюшка Лайош придет?

— Сказал, что придет.

— Прекрасно! Дядюшка Лайош появляется в дверях. На плече его болтаются ленточки. В правой руке бутылка вина. Увидев нас, он воскликнет: «Много счастья, боже, дай-ка сему дому и хозяйке!»

— Ты с ума сошел! Почему дядя Лайош будет говорить стихи? Ведь он врач.

— Все равно. Киношники-документалисты будут в восторге. Такую малость дядя Лайош может ради нас сделать. И пусть все видят, как мы принимаем гостей!

— Для этого нужны деньги.

— Завтра утром получишь деньги. Когда придет киношники. Я отсчитаю тебе сотенные прямо в руки. Зрители увидят и мои руки. Некрасивые, правда, но трудовые. Вблизи. Киношники-документалисты любят снимать руки.

— Сколько же ты решил потратить на этот вечер?

— Об этом не беспокойся! Я не желаю, чтобы нас ославили. Пусть все видят, каково гостеприимство 76 года! Петь умеешь?

— Почему ты об этом спрашиваешь?

— Хорошо бы ты спела в кухне над бурлящими котелками. У тебя есть ситцевый платок в горошек?

— Нет.

— Жаль! Ситцевый платок в горошек очень хорошо смотрит-

ся. Ты будешь хлопотать в кухне, а дядюшка Лайош высоко поднимет бутылку с вином и закричит: «Стол накрыт, зовут к обеду вкусных кушаний отведавать. Ох, какая здесь еда, не попробовать — беда! Золотой бульон сверкает, гости ложки поднимают...»

Жена Верпелети озабоченно глядела перед собой.

— Что с тобой? — спросил муж.

— Сколько нас будет вместе с киношниками?

— Понятия не имею! Они не сказали. Тетю Эмилию ты позвала?

— Позвала, но...

— Блестяще! Тетя Эмилия расскажет, каким был обед в 1924 году. Тогда в доме и хлеб-то не всегда бывал. А после окончания интервью с тетей Эмилией дядюшка Лайош высоко поднимет бутылку вина и скажет...

— Ничего он не скажет! — закричала жена Верпелети. — И прими к сведению, что никаких гостей завтра здесь не будет! А если кто и придет, я так его турну, что...

— Хорошо, — пожал плечами муж. — Как хочешь! Я поговорю с киношниками. Правда, разговор будет мучительным, неприятным, но что делать?..

— Завтра нас даже дома не будет. Мы пойдем к Фланцам. Они давно нас зовут.

Верпелети кивнул и подошел к телефону.

— Прошу Зебегеня Фланца. Привет! Это Верпелети. Скажи, что вы делаете завтра? Мы хотели к вам заскочить... Хорошо... Привет!

— Что он сказал?

— Сказал, чтобы мы приходили. Завтра вечером их будут записывать для радио. Название программы «В гостях у семьи Фланц».

Позор

Прочитав об этом в газете, я знал, что мне надо делать. Я должен пойти к Верпелети. Нас связывает старая дружба. В трудные часы мой долг — быть возле него.

В заметке было написано: «Директора ресторана «Золотая собака» присудили к штрафу за то, что в находящемся под его руководством предприятии общественного питания разбавляли водой коньяк и подавали посетителям порции меньше предписанных правилами».

Я представил себе, что он сейчас чувствует. Его имя упомянуто прессой в заметке о жуликах! Бедный, заблудший парень! Несомненно, полубезумный и небритый, он блуждает сейчас где-то, не желая попадаться людям на глаза. Его гонят, преследуют угрызения совести. А он, бедняга, идет, бредет, бежит, не обращая ни на что внимания...

Я обязан сейчас же поговорить с ним! Набрал номер его домашнего телефона, попросил позвать моего друга. Приятный женский голос ответил, что его нет дома.

— Вы не знаете, где он?

— Не знаю.

Просто фантастично, до чего равнодушны люди! Быть может, именно сейчас, в эти минуты, он подводит итог своей жизни: где он ошибся, что толкнуло его по наклонной плоскости, на которой уже нельзя было остановиться. Я видел перед собой Верпелети, стоящего на берегу Дуная и смотрящего на воду, темно-зеленую, мутную воду. Отто, не надо!..

Нужно что-то предпринять! Я набрал номер треста ресторанов.

— Позовите, пожалуйста, Отто Верпелети.

— Его нет.

— Когда он придет?

— Он был, но ушел.

— Не знаете, куда?

— Не знаем.

А зачем им знать? О, это равнодушие! Неужели мы никогда не изменимся? Был, но ушел. Быть может, туда, откуда нет возврата. Его называли в газете жуликом, и этот позор он не мог перенести. Да и как теперь смотреть в глаза жене, детям? Безусловно, он не спал ночь, метался в бессоннице по кровати, а сейчас, усталый и сломленный, бродит там, где не видно людей. Может, ищет сук покрепче, на котором... Отто, не надо! Ты еще выберешься на истинный путь!

Дрожащей рукой я набрал номер ресторана.

— Алло! Ресторан «Золотая собака»? Прошу Отто Верпелети!

— Сию минуточку!

Наконец я его поймал!

— Отто, это ты? Я сейчас же буду у тебя. Обещай, что ты никуда не уйдешь и ничего не сделаешь! Обещаешь? Мне необходимо с тобой поговорить!

Я сел в такси, чтобы поскорее добраться до него. В машине снова перечитал заметку. Что он ощутил, когда увидел свое имя? Вероятно, побледнел, газета выпала у него из рук, и ему пришлось за что-то ухватиться, иначе он грохнулся бы. Потом он посмотрел в зеркало и с омерзением отвернулся, увидев отражение жулика. А затем, когда я ему позвонил, он понял, что я все знаю.

и подошел к домашней аптечке поискать успокоительное лекарство, потому что сердце забилося... Господи, уж не решил ли он отравиться?

Наконец я приехал. Ворвался к нему и крикнул:

— Отто, не надо! Не делай глупостей! Еще не поздно!

— Ты о чем?

— Я прочел в газете. Я все знаю!

Верпелети махнул рукой.

— Из-за этого ты взволновался? Напрасно. Я уже уплатил штраф...

В этот момент я упал в обморок. Волнение, тревога совершенно вымотали меня. Когда я пришел в себя, Верпелети заставил меня выпить рюмку коньяка.

Он был разбавлен водой.

То же, но лучше

Я дважды смотрел одну пьесу.

Сначала в театре, потом дома, по телевидению.

В театре, говоря откровенно, пьеса мне не понравилась. Весьма не понравилась. А вот по телевизору было не так уж плохо.

Это заставило меня задуматься: что тому причиной? В спектакле ничего не изменилось — те же актеры произносили тот же текст на сцене того же театра.

Так в чем же тут дело?

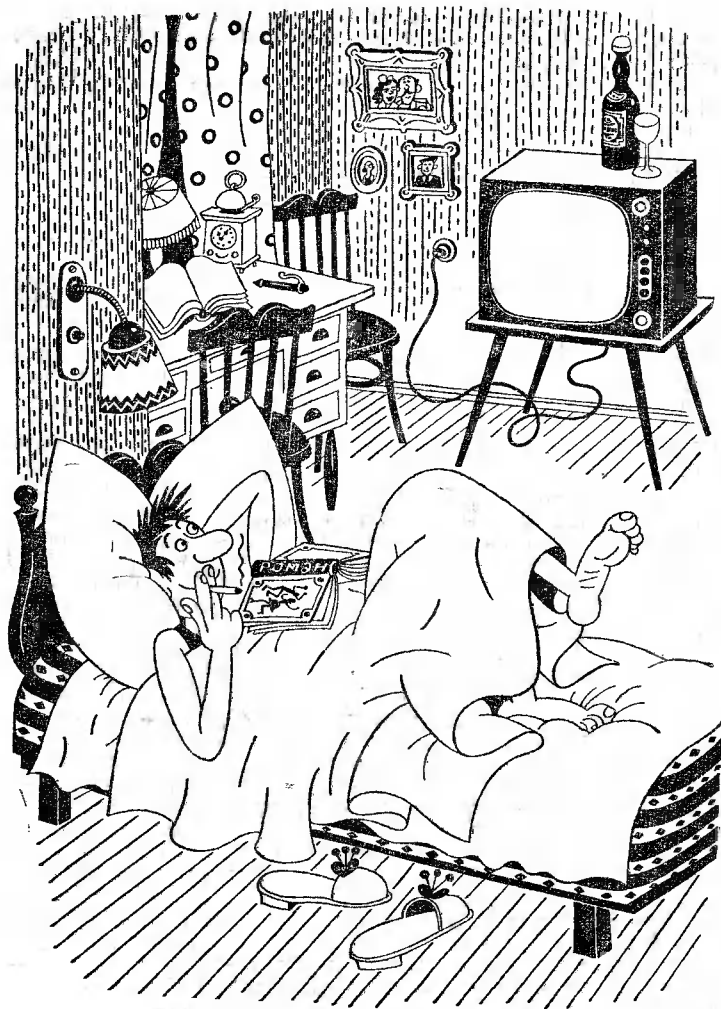
Потом я догадался.

Да, та же самая пьеса, но когда ее смотришь дома, сидя в кресле, развалившись и покуривая, думая о Ковачах, которые отдали за два театральных билета шестьдесят форинтов, не так уж это плохо...

Та же самая пьеса, но когда дома сидишь в кресле, покуриваешь после хорошего ужина, думая о Ковачах, которые отдали за билеты шестьдесят форинтов и вдобавок, возвращаясь домой, промокли под дождем до нитки, — ах, это — блаженство!..

Та же пьеса дома, когда можно встать с кресла, погулять по квартире, потягиваясь до хруста в костях, почесываясь, — ах, хорошо!

Та же пьеса дома — посидел в кресле, развалившись, покурив после хорошего ужина, побродил по квартире, потянулся до хруста в костях, почесался, потешился мыслью о Ковачах и о том, что телевизор в любой момент можно выключить, — прелесть!

Та же самая пьеса, но когда ты дома, в пижаме, в кровати, с думочкой под головой, с хорошей книгой, с мыслью о милой Манчике,— упоение!

Та же пьеса дома, когда ты подремываешь в постельке, закрывшись до подбородка,— шедевр!

А если дремлешь, укрывшись с головой,— классика!

И та же самая пьеса, когда она идет, а ты сладко спишь,— о, в этом уже есть нечто шекспировское!..

Ох, уж эти картинки будущего!

Признаюсь откровенно, меня чрезвычайно волновало, каким будет завтра и что будет послезавтра, скажем, после дождика в четверг. Поэтому я принялся читать научно-фантастические романы.

Когда первый роман попал мне в руки, я был полон одушевления, энтузиазма, любопытства и оптимизма. Однако в процессе чтения я несколько приуныл, ибо героя, жившего на далекой планете — я представил себя на минуточку на его месте,— одолевало огромное количество неприятностей: у него испортилось радио, он попал в космическую бурю, выпал из ракеты, у него кончился кислород, а однажды под ним даже звезда взорвалась... «Н-да,— подумал я,— и у этого жизнь не сахар, и он не как сыр в масле катается!..» Вскоре герой оказался в непосредственной близости от Солнца и чуть совсем не изжарился, потом потерял тубы с питанием и был вынужден жевать водоросли на Сатурне...

«Н-да, ничего себе»,— размышлял я, пригорюнившись, но даже после всего этого любопытство не покинуло меня.

Я раздобыл новый научно-фантастический роман. В нем речь шла о городе, да не о каком-нибудь, а парящем в мировом пространстве, словно воздушный шар. Но радость горожан длилась недолго. В один прекрасный день город начал падать — выяснилось, что в расчеты математиков вкралась ошибка: они поставили не туда, куда надо, запятую или что-то в этом роде... В последний момент жители космического города спаслись от гибели. Радость их, однако, длилась недолго: их подстерегала опасность перейти в жидкое состояние. Но им удалось спастись. Радость их, однако, длилась недолго...

После десятого научно-фантастического романа я с удивлением ощутил, что оптимизма у меня поубавилось. Я часто вздыхал и безмолвно сидел, уставившись прямо перед собой...

Меня не развеселила даже история, где герой распадался на клетки, но потом его быстро собирали, чтобы он воспрепятствовал катастрофе: дело в том, что Луна стала приближаться к Земле...

Теперь я уже не читаю научно-фантастических историй. Лучше подожду две-три сотни лет, чтобы собственными глазами убедиться, как сложится судьба мира, каким он будет.

Однако кое-чему эти романы меня все-таки научили. Научили ценить настоящее.

Кем бы я хотел быть?

Скажу. Я хотел бы быть дельфином.

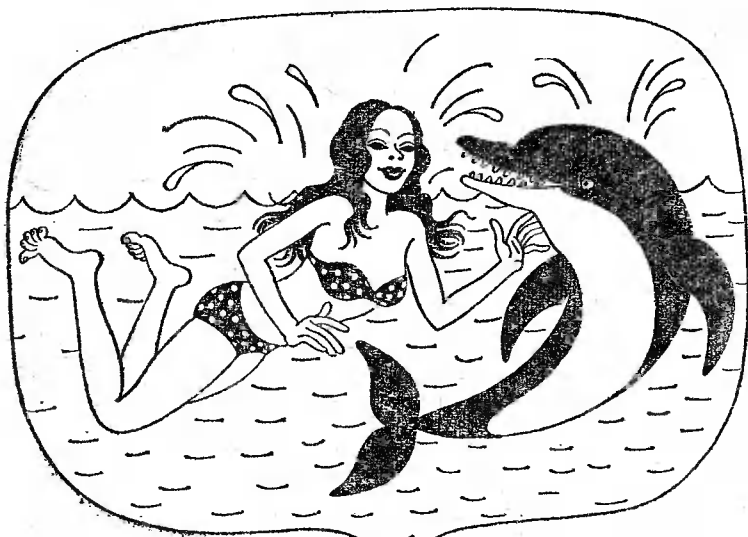
Если бы я еще раз начал жить, я стал бы дельфином. Веселым, игривым дельфином и жил бы, как рыба в воде.

В последнее время я то и дело читаю, как умны дельфины. Какая-то женщина-ученая из Калифорнии долгое время находилась вместе с одним дельфином в бассейне и была от него в восторге: какой он сообразительный, милый, привязчивый, лукавый и всегда в хорошем настроении, иногда даже хохочет. Потом я прочел, как стадо дельфинов спасло упавшего в воду матроса. Они подняли его на спину и поплыли с ним к берегу, не давая погрузиться в воду, и до тех пор трудились, пока не выбросили его на берег. По мнению некоторых ученых, они даже говорят, если приняться за их обучение с должным терпением и знанием дела. Мозг их очень развит и походит на наш.

Господи, как здорово было бы стать дельфином! Целый день я знай себе плавал бы в воде и играл. А наскучило бы в воде, присел на край бассейна в картишки сыграть либо в шахматы, и тогда про меня сказали бы: у него характер игрока. В мой холостяцкий бассейн приходили бы разные смелые и любопытные женщины-ученые, чтобы изучать меня. Я всегда был бы рядом с ними, рассказывал бы им анекдоты и временами говорил бы: «Ах, профессор, у вас восхитительные глаза!» Или, например: «Дорогая, у вас потрясающая фигура!» И тогда они писали бы обо мне труды, в которых разъясняли бы, как я смыслен, мил, вежлив, лукав, весел, и вдобавок у меня прекрасный вкус.

Хотел бы я быть дельфином, потому что на дельфинов люди обращают внимание. Может, потому, что чувствуют: дельфины, у которых мозг организован точно так же, как у нас, наблюдают за людьми.

Есть в дельфинах что-то человеческое, что-то поразительно человеческое, пишут о них ученые с почтительным любопытством.

Если бы я был дельфином, и, скажем, сердитым и вспыльчивым, про меня говорили бы: погляди на этого дельфина в очках, до чего похож на человека! Если бы я влюбленно плавал вокруг какой-нибудь девушки и шептал ей нежные слова, сказали бы: смотри, как по-человечески! Если б я лягнул пониже спины директора бассейна за то, что температура воды ниже положенной, люди бы сказали: «Ну, разве не по-человечески!» Короче говоря, они любили бы и почитали меня за все то, что во мне есть человеческого. Потому что я дельфин.

В один прекрасный день, выпрыгнув из воды, я прочел бы несколько юморесок, и зрители совершенно определенно сказали бы: как человечески его произведения! И смеялись и плакали бы над ними, а может, немного и призадумались бы, потому что люди тоже могут размышлять: мозг их устроен наподобие дельфина-его.

В то время, как я писал это маленькое эссе, жена успела прочесть его, заглядывая через мое плечо, и насмешливо спросила:

— Значит, ты хотел бы быть дельфином?

— Да, дельфином.

— Ты и плавать-то не умеешь,— презрительно сказала она.— Нечего сказать, хорошенький дельфин из тебя бы вышел...

Если бы я был дельфином, не умеющим плавать, люди бы говорили обо мне: погляди, этот дельфин плавать не умеет. Как это по-человечески, правда?

Убийца возвращается

(Из воспоминаний неизвестного детектива)

1

В десять утра раздался звонок: на улице Кюльпо-Ло произошло убийство. Через пять минут мы были уже на месте и взламывали дверь. Труп лежал на полу.

— Это я звонил вам,— сказал он.— Надоело. Третий день валяюсь здесь мертвый, и никто меня до сих пор не обнаружил. Соседи, называется... Да что говорить,—труп безнадежно махнул рукой,— кому дело до старого колостяка... Хоть сдохни, никто не обратит внимания...

— Простите,— вежливо, но твердо спросил я,— оставим на время сетования и вернемся к делу. Кто вас убил?

— Так я вам и скажу! Вы за это деньги получаете, вы и ищите убийцу. А я, простите, жажду покоя. Вечного.

К сожалению, никто из жильцов дома действительно ничего и никого не видел. Точнее, один из них, продавец «Гастронома», видел как будто какого-то мужчину, выходящего из квартиры убитого. Он только никак не мог вспомнить, было это в день убийства, за неделю до него или на прошлое рождество.

— Он был высок, худ и лыс, — сказал продавец, — если я увижу его, я узнаю это лицо из тысячи.

Во мне жила уверенность, что убийца обязательно вернется на место преступления, поэтому я оставил своих людей в квартире убитого и в подъезде. Ждать, ждать, ждать — что еще нам осталось делать?

Через четыре дня поздно вечером кто-то осторожно нажал дверную ручку. Убийца возвращается! Мы рывком распахнули дверь. На пороге стоял продавец «Гастронома».

— Я... я... я вас искал, — пробормотал он. — Я видел убийцу! Сегодня он был в магазине. Он, он, я не ошибаюсь, это лицо я узнаю из тысячи!

— Почему вы нам не позвонили?

— Я... я... я боялся! Когда он вошел в магазин, он так дико озирался по сторонам. Он купил триста граммов салами и быстро ушел. Но он вернется, он обязательно вернется!

— Убийца возвращается на место преступления, а не в «Гастроном», — насмешливо сказал я.

Мои подчиненные громко захохотали.

Два дня спустя мы арестовали в «Гастрономе» убийцу. Он рвался из наших рук и все время повторял: «Пустите меня, мне нужно!»

— Я бы на вашем месте не торопился, — сказал я, и мои подчиненные громко захохотали. — Но что же вам нужно?

— Мне нужна книга жалоб и предложений, — сказал убийца.

Мы принесли ему книгу жалоб и предложений. Он вытащил ручку и написал: «Продавец Бароши очень вежлив и обходителен, никогда не встречал в Будапеште второго такого продавца. Покупать у него — одно удовольствие».

Когда убийцу увели, продавец, который видел, что тот написал, сказал мне:

— Теперь вы понимаете, почему я был уверен, что он вернется в магазин? Я его так обслужил, что он не мог этого забыть.

Старый фильм

Мои друзья пригласили меня в кинотеатр «Фильм-музей», где шли фильмы первой половины тридцатых годов, имевшие в свое время огромный успех. Но как меня ни убеждали, я не пошел.

— Почему? — спрашивали у меня. — Почему ты не хочешь?

Тогда я не ответил на вопрос, но сейчас расскажу. Несколько месяцев назад я смотрел один старый фильм. Я сидел в кинотеатре один и заранее радовался, что снова увижу фильм, который в свое время смотрел несколько раз (из-за очаровательной героини с короткой мальчишеской прической).

Я сидел в зрительном зале и ухмылялся. Не мог удержаться от ухмылки, глядя на лихие усы главного героя — покорителя сердец, на то, как он важно разгуливает в смокинге с белой гвоздикой в петлице. И что мне могло когда-то понравиться в героине? Плоская, как доска — ни сзади, ни спереди ничего нет, а когда говорит, повизгивает.

Но вот вдруг я услышал, как женщина говорит партнеру:

— Видишь?

— Кого?

— Его. Когда-то он раз пять смотрел наш фильм. Я сразу его узнала...

Господи! Это они обо мне! Говорят обо мне и смотрят на меня!

— Я его сразу узнала, хотя он очень постарел, — провизжала моя прежняя любовь с мальчишеской стрижкой, и я только сейчас заметил, что у нее рот сердечком.

— Но чего ты хочешь? — ответил мужчина. — С тех пор прошло добрых несколько лет...

Я огляделся. Слышат ли нас другие зрители? Однако те, кто сидел рядом, не обращали на меня внимания и, пристально уставившись на экран, самозабвенно грызли соленые сушки. Вероятно, у меня галлюцинация. Но нет! Женщина снова заговорила:

— Вот поэтому я не люблю, когда нас снова возобновляют в репертуаре... Мы несколько не меняемся, а они... Ужасно, правда? Посмотри, что случилось с лохматым подростком в очках...

Снова обо мне! Говорят обо мне и на меня смотрят! Героиня бросает любопытные взоры из-под похожих на метлы ресниц и задумчиво перебирает свисающую с шеи длинную нитку жемчуга. Герой в смокинге, когда-то бывший идеалом грез девочек-подростков, глядит на себя в зеркало, поправляет галстук-бабочку, потом смотрит на меня и начинает ржать. Как настоящая лошадь!

— Я смеюсь потому, что этот подросток, которого мы знаем, уже лысеет. Погляди, спереди у него почти нет волос.

— И ты над этим смеешься?

— А что мне, плакать?

Я соскочил со стула, попытался спрятаться за спины других зрителей, но это мне не удалось.

— Просто заплакать хочется, — шепнула женщина. — Когда наш фильм снова возобновят в репертуаре, мы встретимся со старцем.

— Поразительно, как быстро стареют зрители! — сказал главный герой, разглаживая заботливо подстриженные усы.

Я еще помнил его жест. Девчонки в свое время в этом месте вздыхали, и взгляд их становился мечтательным.

— Н-да, — снова сказал мужчина. — Время летит!

Больше я не мог выдержать. Вскочил со стула и в панике бросился к выходу. Когда мне удалось выбраться из ряда, я глянул на экран и громко заметил:

— Сами-то не стали моложе! Ишь какие! Вчера я как раз читал в кинолексиконе, что...

Закончить фразу я не смог. Зрители начали шикать, а билеты вытолкали меня из зала.

Вот потому-то я и не хожу смотреть старые фильмы...

Семейный фильм

Купив любительский киноаппарат с превосходной оптикой, Эперьеши заявил семье, что будет снимать фильм.

— Вот здорово! А моя собака тоже будет сниматься? — взволнованно спросил шестилетний Берци.

— Да, конечно, — ответил глава семьи. — И мама будет сниматься, и дедушка тоже.

— Ты мог бы пригласить и тетю Гизи, — сказал дедушка. — В молодости она была очень красива. Ее часто путали с Астой Нильсен.

— Тети Гизи в фильме не будет, — нервно перебил Эперьеши. — Пусть ее снимает компания «Метро-Голдвин-Майер»!

— Эта собака мне не нужна, — сказал на другой день Эперьеши. — Она глупая и ничего не умеет.

— Моя собака глупая? — разрыдался оскорбленный Берци. Но глава семьи остался непреклонным.

— Если я говорю нет, значит, нет! — отрезал он и заявил не терпящим возражений тоном: — Надо раздобыть лошадь. Лошадь в кино всегда выглядит шикарно.

— Приводить в квартиру коня я не позволю. Даже пони! — возмутилась жена Эперьеши.

Но муж ее не слушал. Он задумчиво разглядывал своего чудоватого отпрыска, который, всхлипывая, сидел на полу, обняв глупую собаку.

«Собственно говоря, для съемок следовало бы подобрать другого ребенка,— размышлял Эперьеши.— Берци, конечно, славный мальчик, но для фильма больше подойдет лохматый, курносый сорванец с девичьим личиком. Может, пригласить Отто с третьего этажа?..»

Когда он сказал об этом вслух, дедушка возопил:

— Да это просто безумец! Думает, что он Антониони! Наш Берци самый прекрасный ребенок на свете!

— Не спорю,— ехидно заметил Эперьеши.— Может, Берци и получит роль в фильме, но уж дедушка—увольте!!!

Дедушка схватил собаку под мышку и, разгневанный, ушел.

— Чао, Антониони! — бросил он через плечо, хлопая дверью.

— Я не могу работать в таких условиях,— сказал жене Эперьеши.— Или я получаю полную свободу творчества, или отказываюсь от съемок. Мне надоело, пойми, надоело, что все вмешивается в мою работу!

— И мне надоело все, что ты делаешь!

— Знаю,— ответил муж.— Ты никогда меня не понимала. Если я пробовал подняться, ты цеплялась за меня и тащила вниз, на землю.

— Либо вся семья будет сниматься, либо никто!

— Что ж, посмотрим,— задумчиво сказал Эперьеши.

Берци отказался играть без собаки. У Эперьеши словно камень с души свалился: теперь он сможет осуществить свои творческие замыслы. Он будет снимать Отто с третьего этажа.

— Если Берци не будет, я сниматься не стану,— сказала жена Эперьеши.

— Ладно,— ответил муж.— Как хочешь. Я поищу ребенку другую маму. Да не нашему ребенку, а Отто. Признаюсь, я давно уже веду переговоры с одной очень красивой особой. Она не только фотогенична, но еще блестяще фехтует, стреляет и плавает.

Жена Эперьеши ушла к маме, забрав с собой Берци и собаку.

— Наконец-то я смогу спокойно работать! — с облегчением вздохнул Эперьеши.

...Но фильм так и не был снят. Через несколько дней после долгих извинений, просьб и уговоров жена Эперьеши, Берци, дедушка и собака вернулись домой.

— Но что же произошло? — спросил Эперьеши приятель, который тоже дал согласие участвовать в фильме.— Ты был так

воодушевлен, полон идей, говорил о новой волне в кино...

— Да, говорил, но видишь ли, возникла одна проблема.

— Какая же?

— Я не знал, какую кнопку нажать, и от этого у меня как-то все настроение пропало...

Жертва психологии

1

Скоро десять лет, как я работаю на этом заводе. Поэтому меня страшно удивило, когда журналист задал мне вопрос: если на соседнем предприятии мне станут платить на форинт в час больше, уйду ли я отсюда?

Я решительно ответил: нет!

2

Сегодня со мной долго беседовал заводской психолог, расспрашивал о моем самочувствии. Как мне работается на заводе? Не хочу ли отсюда уйти? Я ответил: благодарю, все в порядке, чувствую себя превосходно, у меня и в мыслях нет уходить отсюда.

Психолог как-то странно посмотрел на меня...

3

Пришли корреспонденты радио делать репортаж о заводе. Спросили: если бы на соседнем предприятии платили на два форинта больше, ушли бы мы отсюда?

— Деньги — это еще не все, — ответил я, а потом заинтересовался у друзей: правда ли, что на соседнем предприятии платят больше?

Не то чтобы меня это особенно интересовало...

4

Психолог снова позвал меня к себе и пустился в долгие рассуждения. Он говорил, что завод, собственно говоря, одна большая семья и, как в каждой семье, здесь тоже бывают свои проблемы. Если у меня есть такие проблемы, я могу спокойно рассказать о них, от этого мне станет легче, самочувствие мое улучшится, и я буду ощущать себя совсем по-домашнему.

Знать бы только, чего он от меня хочет?

5

Сегодня я работал мало: завод буквально наводнили телевизионщики. Всех подряд они спрашивали, что мы думаем о флюктуации. Мы переглянулись: что это за штука? Тогда нам задали наводящий вопрос: если бы на соседнем предприятии платили на три форинта больше, перешли бы мы туда?

Ну... иногда начинаешь задумываться...

6

С ума можно сойти! Психолог спросил: какое влияние оказывают на меня почерневшие стены, голый заводской двор, низкие потолки в цехе?

В самом деле, какой у нас в цехе низкий потолок! И двор действительно голый. На других предприятиях сажают цветы и люди любят зеленые газоны. А у нас эти почерневшие стены! Очень грустное зрелище!

7

Завком организовал дискуссию о текучести кадров. Докладчик с возмущением говорил, что есть артель, где платят на четыре форинта больше, чем у нас.

Возмутительно! На всякий случай я записал адрес артели.

8

Психолог долго расспрашивал, какой цвет нравится мне больше: гороховый или голубой? Я ответил: ярко-синий с желтыми крапинками. Он записал себе в блокнот и, удовлетворенный, ушел.

Если так будет продолжаться, я уйду отсюда...

9

По указанию свыше на нашем заводе производили научный анализ флюктуации. Мы должны были ответить на шестьсот семьдесят восемь вопросов. Очень многие не заполнили анкет, предпочли уволиться. Теперь, я слышал, готовят новое научное исследование, чтобы установить: почему одновременно уволилось столько народу?

10

Сегодня я прочел в газете, что в районе Пешта какое-то маленькое предприятие платит на пять форинтов больше и таким образом переманивает работников с других заводов.

Завтра поеду посмотрю, что это за предприятие.

11

Полгода тружусь на новом месте и чувствую себя превосходно. Правда, работать приходится больше, но и платят больше. Кроме того, ценят. Сегодня, например, подошел ко мне инженер и спросил: как самочувствие? Я ответил ему: большое спасибо, чувствую себя прекрасно. Он очень обрадовался, а потом, пристально глядя мне в глаза, задал вопрос: если на другом предприятии мне бы платили на пару форинтов больше, ушел бы я отсюда?

Господи! И тут начинается!

Волнующая жизнь

— В приемной вас ждет собака, — сказала секретарша. — Она желает с вами побеседовать.

Журналист поблдепел. Он только что опубликовал статью, в которой, между прочим, говорилось, что постепенно псы вытесняют из парков детей.

— Собака большая?

— Овчарка, — ответила секретарша. — Она взволнована. Бега-ет взад и вперед по приемной.

— Хана мне! — прошептал журналист и нервно закурил. Он знал, что статья наделала много шума, и был готов к любым неожиданностям. Вынув из письменного стола веревочную лестницу, он моментально оказался за окном.

— Не удерешь! — злобно вскричала секретарша и, подбежав к окну, принялась кромсать перочинным ножом веревку. — Будешь знать, как обижать собак!

— Илонка, что вы делаете? — простонал, болтаясь между этажами, журналист. — Вы хотите...

Закончить он не успел. Начал падать...

— Правее! Еще правее! — кричали внизу какие-то мужчины, растягивая спасательную сеть. Журналист благополучно приземлился, вернее присел.

— Благодарю, вы спасли мне жизнь, — пролепетал он, придя в себя. — Но откуда вы узнали, что...

— Догадались. Когда вы написали статью о собаках, мы поняли, что вас начнут травить, и следовали за вами повсюду как тень.

— Вы не собачники?

— Нет. Кошатники мы.

Дома его ждала пустая квартира и письмо: «Возвращаюсь к маме. Не могу жить с человеком, который не любит собак. Ольга».

Он рухнул на стул и задумался: что теперь делать? Немного погодя позвонил главному редактору.

— Ты должен помочь мне, товарищ Глезич. Меня преследуют собачники.

— Ничего не могу сделать, — ответил главный. — Я предупреждал, чтобы ты не затрагивал эту тему.

— Неужели я не могу высказать свое мнение?

— Можешь, но теперь расхлебывай сам кашу, которую заварил, — безразличным тоном сказал главный и положил трубку.

В этот момент раздался звонок в дверь.

— Кто там? — спросил журналист, не открывая.

— Это я, почтальон. Принес посылочку.

— Какую посылочку?

— Не знаю, кажется, будильник. Там что-то тикает...

«Адская машина!» — промелькнуло в голове журналиста. Он выхватил посылку из рук почтальона и пустился бежать.

— Куда вы так спешите? — остановил его дворник. — Я хочу поздравить вас с прекрасной статьей...

— Потом, потом! Сейчас мне некогда!

Он добежал до Дуная в рекордное время. Бросил посылку в воду и закрыл глаза. Несколько минут простоял в ожидании, но взрыва не последовало.

Когда он открыл глаза, то увидел перед собой маленькую таксу, которая глядела на него, расставив кривые лапы и склонив голову набок.

— Спасите! — в ужасе закричал журналист. — На помощь!

— А еще мужчина! — презрительно произнес владелец собаки. — Испугаться щенка! Пойдем, моя звездочка, пойдем, это глупый дядя...

На следующий день он взял отпуск и уехал в провинцию. Родственники в Кишине не приняли его из-за статьи о собаках. Но родственники в Надьлеце приняли его из-за статьи о собаках. Через четыре недели пришла телеграмма из редакции: «Страсти утихли. Можешь возвращаться. Глезич».

Журналист сел в поезд и через несколько часов был в Будапеште. На вокзале его встретила жена. Рядом стоял дог ростом с теленка.

— Обожаю собак, — сказала жена с полными слез глазами. — Но тебя я тоже люблю...

На следующее утро он уже присутствовал на заседании редакции.

— Вот тебе на выбор две темы, — сказал заведующий отделом. — Или возьмись раскритиковать постановление горсовета, или... Тут пришло много писем от читателей. Жалуются, что собаки портят клумбы, ломают цветы...

— Я беру первую тему, — без колебаний заявил журналист. И его не смутило, что коллеги вокруг осуждающе качали головами: ну и трус!

Утро

Не знаю, как вы, а я уверен, что все настоящие драмы происходят не вечером, а утром. Вечер побуждает к философскому восприятию жизни, к мечтам о покое. Он навеивает, наконец, сонливость, а сонливость, как известно, драмам не способствует. Утро же, наоборот, бурлит энергией. Если мне суждено когда-нибудь написать драму, третий и кульминационный акт ее будет происходить между семью и половиной восьмого утра. Это как раз то время, когда достаточно одного неосторожного слова, чтобы мирный дом превратился в гладиаторское ристалище.

Я уверен, что Отелло, например, задушил Дездемону не вечером, как это утверждает Шекспир, а утром. Вечером, когда он, разгневанный, вошел в спальню жены, он против своей воли залюбовался Дездемоной. Да, она и впрямь была хороша. Ее светлые волосы рассыпались по подушке, через окно нежно струился волшебный свет луны... Он вздохнул и на цыпочках вышел из спальни.

Но спал он в эту ночь все-таки плохо, все время ворочался, проснулся поздно и встал с постели уже раздраженным.

— Опять я опаздываю, — буркнул он, — второй раз за неделю... Еще выгонят...

— Генерал, а боишься, что уволят, — заметила Дездемона, разыскивая куда-то запропастившийся чулок.

— Генералы тоже не опаздывают, — сказал Отелло, и в голосе его послышалась ирония, — если, конечно, им не приходится ждать, пока подадут завтрак...

Дездемона взглянула на часы.

— Завтрак! — вскричала она. — Посмотрите на него, он ожидает, чтобы ему подали завтрак! Ты знаешь, как я кручусь целый день — и на работе и по магазинам с сумкой... Завтрак! — Она саркастически рассмеялась.

Драма назревала.

— Дездемона, — яростно прошипел Отелло, — я не собираюсь обсуждать с тобой, кто больше работает, не могу я по крайней мере спросить, где мои чистые носки?

— Я отложила их, чтобы заштопать...

— И что же? Ты ждешь, пока они сами заштопаются?

— Отелло, я устала от твоего остроумия. Может быть, ты прибережешь его для своих солдат?

— Дездемона, — взывал генерал, — не буди во мне зверя!

— Ах, скажите, пожалуйста, какие страсти! — хохотнула Дездемона.

— Молилась ли ты на ночь, Дездемона?

— Утром? Да ты что, рехнулся?.. Подогрей-ка себе завтрак.

Тут Отелло не выдержал и задушил ее. Он и вообще-то нервничал из-за этого парня Кассио, которому Дездемона отдала платок, но если бы он в то утро не опаздывал на службу, то, быть может, никогда бы не сжал пальцами тонкую и милую шею.

Алкоголизм

Летене был обыкновенным сотрудником Бамэксбумферта. Работал добросовестно, коллеги его любили. Но потом он начал пить... Его застали в рабочее время с плоской бутылкой, прямо из которой он тянул ром.

Сотрудники были поражены и тотчас же доложили о случившемся своему начальнику Липтаку.

— Бедный, несчастный парень, — грустно качая головой, вздохнул Липтак, затем поднял голос: — Коллеги, мы должны вырвать Летене из объятий алкоголизма! Мы не можем допустить, чтобы молодой человек погиб у нас на глазах! Мы должны встать с ним рядом! Наша задача — сделать из него человека, вывести из мрака на солнечный свет, в общество, к людям... Мы все за него в ответе!

На другой день он вызвал к себе Летене.

— Послушайте, дорогой, — добрым голосом сказал он. — Так дальше продолжаться не может. Почему вы пьете? Не пейте больше, дорогой! Попытайтесь стать человеком! Для этого нужна лишь сильная воля. Если вы обещаете, что бросите пить, я назначу вас руководителем группы. Поймите, мы любим вас, рассчитываем на вас... Вы получите полугодовой испытательный срок. Если все это время вы не будете пить, я сделаю вас руководителем группы... Итак, будьте тверды!

И Летене был тверд. Больше он не пил. Когда он слышал слово «коньяк», ему становилось плохо. Через полгода его назначили руководителем группы.

Но после этого он начал пить... Прямо в учреждении он вынул из кармана плоскую бутылку и сделал из нее большой глоток. В бутылке был ром.

— Несчастный! — орал на него Липтак. — Что я слышу? Вы снова пьете! Почему?

— С горьким... Я слышал, что мне не доверяют и руководителем всех групп стану не я, а...

— Неправда! — перебил Липтак. — Это еще не решено. Вы еще можете стать руководителем всех групп. Вернее могли бы, если бы не пили. Скажите, Летене, почему вы пьете? Мы вам доверяем, верим в вас. Мы на вас рассчитываем. Мы хотим, чтобы

из вас вышел порядочный человек, который во всех случаях жизни может постоять за себя, показать, на что он способен... Если вы обещаете, что больше пить не будете, то станете руководителем всех групп. Вы получите полугодовой испытательный срок... Будьте сильны! Не поддавайтесь алкогольному соблазну!

И Летене не поддавался. С этого времени он не пил. Коллеги тактично следили за ним, проверяли его, помогали, чем могли, поддерживали, стараясь вернуть его в коллектив. Летене себя поборо. Стоило ему услышать слово «палинка», как он ощущал дурноту. И его назначили руководителем всех групп. Но после этого он начал пить. Многие видели, как в своем кабинете он тянул из плоской бутылки. В бутылке был ром. Липтак тотчас был поставлен в известность о случившемся. Он вызвал к себе коллег Летене и призвал их поддержать несчастного, не дать ему вновь скатиться вниз.

— Будем плечом к плечу бороться за Летене! Не спускать с него глаз! Поддержим его в борьбе! Ему необходима помощь дружеских рук.

А Летене он сказал:

— Если вы обещаете, что больше никогда пить не будете, то станете начальником отдела. Разумеется, если окончательно порвете со своей преступной страстью.

И Летене порвал окончательно. Больше он не пил. Если он слышал слово «водка», ему становилось плохо. И вскоре его назначили начальником отдела.

Летене был обыкновенным служащим в Бамэксбумферте, но потом начал пить, и теперь он начальник отдела.

С тех пор не пьет. За полтора года он успел выпить те две-сти граммов рома, что были в плоской бутылке.

Мама

Дверь распахнулась, и вошла худощавая женщина в черном. Переведя дух, она огляделась и остановила колочий, пронзительный взгляд на заведующем отделом, пораженном внезапным появлением гостыи.

— Вы Отто Липтак? — решительно спросила она, приставив к ноге черный зонтик с длинной ручкой.

— Я, — прошептал заведующий, втайне удивляясь, что не вскакивает, не стучит кулаком по столу и не выпроваживает названую посетительницу. Было в этой даме что-то величественное.

— Я вдова Грубер, мать Лонци, — заявила дама в черном. Моя дочка сказала, чтобы я не смела сюда ходить, но я пришла.

Дочка грозила помешать мне, но я сказала: пусть только посмеет! Неблагодарная девчонка!..

Только теперь заведующий понял, что черная, как ворона, женщина — мать его секретарши. Он предложил ей присесть.

— Я скажу вам, зачем пришла, — продолжала вдова. — Я здесь потому, что подсчитала: моя дочь ежедневно бывает с вами по восемь и даже по десять часов в день. Остальные четырнадцать часов она проводит со своим мужем. Если взять за основу десять часов, то в год вы проводите три тысячи часов с моей дочерью! Три тысячи разделить на двадцать четыре. Сто двадцать пять суток в году моя дочь бывает в вашем обществе. Правильно?

— Правильно, — кивнул Липтак, еще не совсем понимая, чего хочет от него вдова Грубер.

— Сто двадцать пять дней в год! За десять лет их набирается тысяча двести пятьдесят. Три года и семь месяцев! Согласитесь, что матери не все равно, с кем ее дочь проводит по три года и семь месяцев в каждое десятилетие. Теперь вы понимаете, зачем я пришла?

Липтак согласно кивнул, однако пробормотал:

— Не понимаю...

— Не понимаете? — раздраженно воскликнула вдова. — Что же тут непонятного? Я пришла посмотреть на вас. Заботливая мать должна хорошо знать не только мужа, но и начальника своей дочери. С каких пор вы заведуете отделом? — строго спросила она приунывшего Липтака.

— Два... два года.

— Два года? И вы довольны! И долго вы собираетесь оставаться простым заведующим? Я вижу, вы лишены честолюбия. А я не для того воспитывала и учила дочку, чтобы она стала секретаршей какого-то серенького заведомо... Не перебивайте! Я хочу для дочери другого будущего и не желаю, чтобы она чахла в заштатной приемной.

— Простите, но я стараюсь... — прошептал, заикаясь, Липтак, превратившийся в испуганного мальчишку. Съездившись, он сидел в огромном кресле, и ноги у него были вытянуты под столом, словно по команде «смирно». — Мне обещали, что скоро меня назначат начальником главного отдела.

— Правильно! — громыхнула вдова. — Моя дочь отдает вам половину жизни, поэтому старайтесь, старайтесь! Я верю в вас, но, разумеется, мое доверие — это только аванс. Больше прилежания, мой дорогой, больше энергии, сынок, и тогда из моей дочери когда-нибудь выйдет секретарша министра!.. Вы женаты, не так ли?

— Я женат, — ответил Липтак и тихим голосом продолжал: —

У меня четверо детей: Лаци, Фери, Кати и Клара. Отец мой был слесарем. До освобождения страны мы сильно нуждались. Моя жена — ткачиха. Поженились мы в шестьдесят четвертом году...

— Подождите! — перебила вдова. — Надеюсь, вы любите свою жену?

— Люблю, — заикаясь, ответил Липтак. — У меня четверо детей: Лаци, Фери, Кати и Клара...

— Это меня успокаивает, — вздохнула вдова. — Хотя я сразу увидела, что вы не ловелас. Господи, с такими ушами!.. И усы могли бы сбрить. Зять ради меня сбрил. Скажите честно, вы довольны моей Лонци?

— О, еще бы, я могу сказать о ней только самое хорошее...

— Мое воспитание! И смотрите, не заглядывайтесь на других секретарш, а то я вам голову сверну. Будьте верны моей дочери, это самое меньшее, чего я жду от вас... Вы любите читать? Играете на каком-нибудь инструменте? Знаете языки?

Липтак с готовностью отвечал: читать он обожает, играет на виолончели, хорошо говорит по-русски и по-немецки.

— Что ж, я рада. Знаете, я хочу, чтобы моя дочь уважала своего начальника, училась бы у него. Я хочу, чтобы у нее был такой начальник, с которым она могла бы обсудить возникающие у нее проблемы, который мог бы дать ей совет в трудную минуту жизни, с которым она могла бы поговорить о литературе, искусстве, музыке... Ужасно, когда у начальника и секретарши нет ничего общего... Я права?

— Аб... абсолютно!

— Хорошенько подумайте. Из сорока лет вы проведете вместе с моей дочерью четырнадцать лет и несколько месяцев. Большой срок! Это даже для супружества неплохо! Следовательно, я не желаю, чтобы моя дочь прожила эти годы с пустоголовым, ленивым, безразличным человеком... Вы меня поняли?

— Да, да.

Вдова Грубер погладила Липтака по голове.

— Откровенно говоря, — любезно сказала она, — я рада, что дочь моя избрала вас. Мне кажется, она сделала хороший выбор. Заведующий отделом, стыдливо склонив голову, проводил посетительницу до дверей. На прощание вдова сказала:

— Ты можешь звать меня мамой, сынок...

И протянула для поцелуя руку, затаенную в черную перчатку.

СОДЕРЖАНИЕ

Дырошка на рубашке	3
Мончаливый ребенок	5
Операция «Альфа»	7
Возмездное преступление	10
Львы уходят из дому	12
Архивы Помпеи	13
Связь с покупателем	15
А что происходит сейчас?	17
Продолжение следует	19
Всякие мыслители	20
Обед 76	23
Позор	24
То же, но лучше	26
Ох, уж эти картинки будущего!	28
Кем бы я хотел быть?	29
Убийца возвращается	31
Старый фильм	33
Семейный фильм	35
Жертва психологии	38
Волнующая жизнь	40
Утро	42
Алкоголизм	43
Мама	44

ДЬЕРДЬ МИКЕШ

АРХИВЫ ПОМПЕИ

Редактор **Е. П. Дубровин.**

Техн. редактор **С. М. Вайсборд.**

Сдано в набор 23.2.1977 г. А 02079. Подписано к печати
8.VI.1977 г. Формат 70×108^{1/32}. Усл. печ. л. 2.10.
Учетно-изд. л. 2.79. Тираж 75 000. Цена 18 коп.
Изд. № 1263. Заказ № 249.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции
типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина,
Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.